

В поисках истины

(1979)

ИСКУССТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА
И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Не так давно я получил письмо от одного из наиболее значительных представителей нового, условно говоря, «младшего» поколения нашей литературной науки, В. В. Федорова, который последние годы преподает в Донецком университете. Письмо это почти целиком посвящено размышлениям о творчестве Василия Белова. Впрочем, «размышления» не то слово. Несмотря на то что В. В. Федоров — литературовед сугубо теоретического, даже философского склада, ученик и последователь М. М. Бахтина, он написал мне о повествованиях Василия Белова в таком открыто эмоциональном и острополюемическом духе, словно дело идет о кровно задевающих его *жизненных событиях*.

Уже сам по себе факт, что теоретик литературы, взяв в руки книгу Василия Белова, превращается в страстного читателя, замечательно характеризует этого художника. Но я заговорил о письме своего собрата по литературоведению, конечно, не только поэтому. В своих превосходных исследованиях, основанных почти исключительно на материале классической литературы (Пушкин, Гоголь,

Толстой), В. В. Федоров достигает высокой научной объективности и философской широты взгляда. Но он не смог подойти «философски» к искусству Василия Белова. И в результате его письмо с особенной отчетливостью выразило такое отношение к этому художнику, которое, по моим наблюдениям, типично для множества, а может быть, даже и большинства его *читателей*.

Отношение это можно в самой краткой форме определить так: Василий Белов прекрасный, великолепный, но не вполне «современный» или даже вообще далекий от «современности» художник.

Вот и В. В. Федоров недвусмысленно пишет мне:

«Василия Белова нельзя назвать «современным писателем», изображающим «современного человека». Современный человек живет на колесах, он постоянно что-то «осваивает» и в этом осваивании совершенно потерял себя, и освоить-то он не может, т. е. сделать «своим»; у него и орган освоения совершенно атрофировался... Есть у вас в Москве такой критик, энтузиаст технического прогресса — О. Не столь давно мне пришлось прочитать его оду (в прозе), воспевающую тракторы, комбайны, элеваторы и транспортеры, между которыми сновали какие-то недотыкомки, и только по форменной одежде (комбинезоны) можно было догадаться, что это и есть те самые люди, в «чьих руках современная мощная техника». Покажи такому О. мысль М. М. Пришвина, что вот, мол, сколько человеческого труда положено вокруг семени, а прорастает оно само,— он, может, даже в восторг придет — неожиданный, дескать, оборот событий,— но скажи ему, что вся эта мощная сельскохозяйственная техника должна расположиться по зерну, по *семени*, что именно растительная сила этого самого семени должна направлять и означенную технику,— ни в жисть не поверит. Это может уложиться только в просто человеческой (поэтической) голове.

Василий Белов, мне кажется, и есть такой человек, ко-

торый живет «у себя дома», а потому и не современен, ибо современный человек даже в своем доме чувствует себя «на постое». Василий Белов потому пишет в высочайшей степени ответственно, что есть деревенские люди, они уполномочили его возвестить миру то древнее слово, которым мы жили и живем до сих пор».

Я согласен со всем тем, что говорит В. В. Федоров, кроме одного — с его толкованием и его оценкой понятия «современность». Но это несогласие вырастает в чрезвычайно существенную проблему.

Нетрудно понять, что «отлучение» Василия Белова от «современности» отнюдь не имеет в устах В. В. Федорова и множества его единомышленников отрицательного, «критического» смысла. Напротив, сугубо отрицательное значение вкладывается здесь в слово «современность». И это, по моему убеждению, не только неверный, но и чреватый весьма вредными последствиями оборот дела.

Приверженцев этой точки зрения должно бы, кажется, насторожить то обстоятельство, что они смыкаются с *противниками* Василия Белова (их, правда, не так много), которые ведь также хотели бы отлучить писателя от «современности».

Для лучшего уяснения проблемы сделаем небольшой экскурс в историю литературы. Феликс Кузнецов начал одну из своих недавних статей многозначительным напоминанием: «Вспомним то сокрушительное поражение, которое потерпела русская критика в конце XIX века... Критика... оказалась не в состоянии понять и истолковать зрелого Достоевского, зрелого Толстого, вступившего в литературу Чехова. Деятели ее... поверяли литературу не жизнью, а привычными... представлениями. Потребовался гений Ленина... чтобы дать научное и объективное истолкование противоречий творчества Толстого».

Вот одно из ярких выражений этого совершившегося

столетие назад краха критики. Влиятельный в то время критик А. Головачев утверждал, что Толстой принадлежит к тем писателям, которые не только не создали, но и не могут создать «романа и повести, которые захватывали бы глубоко *текущую* жизнь, которые бы в состоянии были настолько раздражить мысль *современного* (выделено мною. — В. К.) человека: ...они вышли из жизни» — имеется в виду, понятно, *современной* жизни.

Да, подавляющее большинство и критиков, и читателей второй половины 1860—1870-х годов полагало, что Толстой — заведомо далекий от «современности» художник. Истинно современными выглядели в глазах тогдашних критиков и читателей такие полузабытые либо совсем забытые ныне беллетристы второй половины 1860—1870-х годов, как Мордовцев, Шеллер-Михайлов, Боборыкин, Осипович-Новодворский, Омулевский. Бесспорным доказательством «несовременности» Толстого представлялся уже хотя бы тот факт, что в центре его художнического внимания было уходящее или, вернее, даже ушедшее с авансцены русское *дворянство*, а не те представители разночинной интеллигенции, изображению которых посвящали свои повествования названные писатели.

Ныне, через сто лет, совершенно ясно, что именно Толстой дал глубочайшее и масштабнейшее художественное воплощение *современной* русской жизни, а беллетристы, казавшиеся когда-то «истинно современными», сумели зафиксировать лишь поверхностные и субъективно отобранные приметы своего времени. И нам необходимо постоянно учитывать тот исторический урок, о котором столь уместно напомнил Феликс Кузнецов.

Правда, у сегодняшних читателей, а подчас и критиков проблема приобретает неожиданный и, можно сказать, причудливый вид. Если сто лет назад отход от «современности» безусловно осуждался, сейчас он оценивается как достоинство...

Но обратимся — после этих необходимых теоретико-

исторических рассуждений — непосредственно к творчеству Василия Белова. Почти двадцать лет назад он создал повесть «Деревня Бердяйка», в которой уже предстал как зрелый и большой художник. Но повесть, опубликованная в 1961 году, прошла почти незамеченной. Не заметил ее и я. Василий Белов вошел в мою жизнь благодаря январскому номеру журнала «Север» за 1966 год, где было опубликовано «Привычное дело».

Без всякого преувеличения скажу, что я был потрясен этой повестью. В то время я еще почти не писал о «текущей» литературе, но тут уж никак не мог удержаться. В заметке «Искусство живет современностью», опубликованной в № 10 журнала «Вопросы литературы» за 1966 год, я всячески настаивал на том, что «искусство всегда призвано выражать, воплощать, осваивать живую современность — даже если тематически оно захватывает прошлое... Только открывая современность, художник может обрести вечность, бессмертие... Пафосом большого искусства было, есть и будет глубокое и самобытное освоение современности». Повесть Василия Белова в журнальной публикации имела подзаголовок «Из прошлого одной семьи». Но в этом, писал я тогда, «хочется видеть некое тонкое лукавство, ибо трудно представить себе что-либо более современное, чем это повествование... это глубоко объективное и всестороннее освоение жизни современной деревни, представляющее как ценнейшее художественное открытие. С удивительной органичностью сливаются здесь народный комизм и трагедийность, стихия эпоса и проникновенная лирика. И как естественный плод открытия рождается настоящая проза, самобытное искусство прозы» и т. д.

Да простят меня за цитаты из самого себя: я привожу их лишь потому, что иначе пришлось бы написать еще раз совершенно то же самое. Ибо и теперь, как и в 1966 году, я считаю необходимым решительно оспаривать заблуждения, подобные заблуждению глубоко уважаемого мною

литературоведа В. В. Федорова и его единомышленников. Почему в их глазах литератор, не усмотревший в поле ничего, кроме механизмов, да еще и ровно ничего не понимающий в их внутреннем ходе и смысле, оказывается «современным человеком»? А Василия Белова, видите ли, даже нельзя назвать «современным писателем»?

В. В. Федоров говорит, что Василий Белов «живет «у себя дома», а потому и не современен». Это заведомо ложное соображение. Чтобы действительно понимать и воплощать современность, человек и художник не может не быть, если уж на то пошло, именно «у себя дома», то есть стоять на прочной и самостоятельной почве, а не мельтешить вместе с мимолетно сменяющимися друг друга приметами поверхностной и в конечном счете мнимой «современности».

С момента появления «Привычного дела» я постоянно вглядываюсь в деятельность Василия Белова — художника, гражданина, человека. Это облегчается тем, что я давно уже имею счастье быть лично знакомым с ним. И для меня безоговорочно ясно, что Василий Белов всем своим существом живет в современности. Это обнаруживается в самых разных проявлениях — то в деловом выступлении писателя на страницах «Правды» о состоянии сельских дорог, то в его глубоком интересе к автобиографии крупнейшего математика нашего времени Л. С. Понтрягина, то в тревожном разговоре о резком снижении рождаемости в Центральной России, то в взволнованном письме о поэзии Юрия Кузнецова — да и в бесчисленных иных поступках, жестах, словах. Все дело в том, что Василия Белова интересуют и захватывают не те бросающиеся в глаза черты времени, которые выступают на самой его поверхности, но глубинные течения современности, имеющие подлинно *исторический* характер.

Когда Василий Белов рассказывает, к примеру, о своих поездках в Париж или Лондон, становится ясно, что он ездил туда не ради лицезрения той показной сенсацион-

ной витрины, которую в общем-то можно рассмотреть и никуда не выезжая — на кино- и телеэкранах. Он стремился ощутить внутренний пульс современной жизни старой Европы...

Я убежден, что «Деревня Бердяйка», «За тремя волоками», «Привычное дело», «Плотнические рассказы», «Кануны», «Лад» — это подлинно *современные* творения. Да в центре внимания художника — русское крестьянство, которое, по мнению тех или иных теоретиков, в предвидимом будущем сменят другие люди, далекие от собственно крестьянского уклада бытия... Но даже если *согласиться* с этим, недопустимо забывать о том, что в «Войне и мире» и «Анне Карениной» изображено прежде всего и главным образом русское дворянство, которое в те времена было заведомо «уходящим сословием». А между тем такой объективный, такой нелицеприятный критик творчества Толстого, как В. И. Ленин, недвусмысленно сказал, что в творчестве художника «замечательно рельефно отразилась... эпоха после 1861 и до 1905 года», что Толстой «чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека».

И это вполне закономерно и естественно. Именно на пороге, на грани исторического «ухода» сословия с необычайной полнотой, глубиной и остротой выявляются и его собственная природа, и его значение и место в бытии нации, народа во всей его цельности, — а тем самым и современная сущность целого народа.

Нельзя не подчеркнуть еще, что искусство подлинно современно не тогда, когда оно фиксирует броские черты времени, но тогда, когда оно схватывает глубокие исторические процессы своей эпохи. И дело не просто в том, чтобы художественно воплотить эти процессы. Еще более существенная задача — навсегда сохранить в творении искусства все те безусловные *ценности*, которые создало уходящее сословие. Ведь поистине невозможно представить себе наше сознание, самую нашу жизнь без тех

ценностей, которые сохранены для нас в образах Андрея Болконского, Пьера Безухова, Наташи Ростовой, Анны Карениной, Константина Левина...

Еще раз коснусь рассуждения В. В. Федорова о том, что «современный человек живет на колесах, он постоянно что-то «осваивает» и в этом осваивании совершенно потерял себя, и освоить-то он не может, т. е. сделать «своим». Такие люди, конечно, имеются, и их немало. Но разве есть какие-нибудь основания выдавать им «патент на современность»?

Подлинно современен тот, чье дело, чье творчество переживет свое время, останется в грядущем как живой памятник своему времени. И именно таково, по моему убеждению, творчество Василия Белова. Он «у себя дома» именно в современности, он не теряет себя в ней, а глубоко осваивает ее.

Говоря об этом, я основываюсь не только на уже созданных творениях художника. Есть писатели — и, между прочим, хорошие писатели, — произведения которых в известном смысле *больше* их самих. Эти писатели, так сказать, выкладываются в своих книгах до предела, подчас даже сверх предела.

Василий Белов — для меня это несомненно и очевидно — *больше* того, что он создал, хотя созданное им — цвет современной русской прозы. Поэтому я очень многого жду от него.